

Перспективно изучение когнитивно-языковых проявлений гендерного фактора в ономастической картине мира. Разработки требуют вопросы гендерной составляющей ономастической картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Дмитрієва, М.М.** До проблеми мовної картини світу та гендерних стереотипів / М.М. Дмитрієва // Семантика мови і тексту. Збірник статей VI Міжнародної конференції. – Івано-Франківськ, 2000.
2. **Кирилина, А.В.** Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М., 1999.
3. **Трофимович, Т.Г.** Социальные приоритеты в зеркале языка / Т.Г. Трофимович // Язык и социум. III Международная научная конференция. – Мн., 2000.
4. **Мезенка, Г.М.** Жаночыя назвы гарадскіх вуліц Беларусі / Г.М. Мезенка // Беларуская мова: Міжведамасны зборнік. Вып. 16. – Мн.: Універсітэцкае, 1988. – С. 36–41.

S U M M A R Y

The paper deals with the different ways of the gender relationship realization in godonymy. The author draws a conclusion, that asexuality of dressing, manners of behaviour and names, which is a peculiarity of the modern society, is reflected in the «godonymous unisex» – it means, the same social characteristics of the person – proprietor of the anthroponym – are used in the male and female subsystems of the memorial godonymicon.

Поступила в редакцію 09.04.2007

УДК 801.7

А.А. Романовская

Дискурс – произведение – текст

Дискурс в лингвистике, в лингвистике текста в частности, понимается как механизм порождения высказываний и производства текстов. Это сложное коммуникативное явление, которое объединяет текст и ряд внелингвистических факторов (установки, цели адресатов, их мнения, самооценки, оценки другого) [1]. Исходным для лингвистической интерпретации дискурса стала дихотомия *язык – речь* Ф. де Соссюра, согласно которой язык – часть речевой деятельности, система знаков, выражающих понятия, а речь – манифестация языка [2]. Это противопоставление Соссюром языка и речи, трактуемое как противопоставление кода и сообщения, парадигматики и синтагматики, нормы и стиля, было интерпретировано Э. Косериу: «Перефразируя Соссюра, но в прямо противоположном смысле, – чтобы понять механизм языкового изменения, надо сразу же встать на почву речи и принять речь за норму всех прочих проявлений речевой деятельности» [3]. Язык, по Косериу, представляет собой открытую систему возможностей. Каждое состояние языка, во-первых, является реконструкцией другого предшествующего состояния. Во-вторых, то, что называется изменением в языке, является таковым лишь по отношению к языку предшествующей эпохи, а с точки зрения современного языка это кристаллизация новой традиции, то есть как раз неизменение [3, с. 17]. Язык противопоставляется речи как совокупности реализованных форм и норм. Язык, на котором можно говорить, – это система функциональных противопоставлений и нормальных реализаций, точнее, это система и норма, как от-

мечает Косериу. «Система охватывает идеальные формы реализации определенного языка, то есть технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности; норма же включает модели, исторически уже реализованные с помощью этой техники и по этим шаблонам» [3, с. 36–37]. Таким образом, язык представляет собой систему идеальных форм реализации, то есть технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности. Речь есть совокупность норм, обязательных реализаций и исторически реализованных возможностей языка. Дискурс в терминах Косериу понимался бы как норма, находящаяся между языком и речью (язык – норма – речь).

Рассматривая различные подходы к определению дискурса в отношении к родственным категориям текст, речь, монолог, диалог, М.Л. Макаров выделяет три основных подхода: формальный, функциональный и ситуативный. Подход с позиций формально или структурно ориентированной лингвистики определяет дискурс как язык выше уровня предложения или словосочетания. «Под дискурсом, следовательно, будут пониматься два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи» [4]. Функциональный подход определяет дискурс как всякое употребление языка. Этот подход предполагает обусловленность анализа функций дискурса изучением функций языка в широком социокультурном контексте. Ситуативный подход предполагает дифференциацию понятий *дискурс* и *текст* с помощью включения в данную пару категории *ситуация*: дискурс – это текст плюс ситуация, текст – это дискурс минус ситуация. Дискурс-анализ при этом понимается как широкий подход к изучению языковой коммуникации, для которого характерны, с одной стороны, интерес к более продолжительным, чем предложение, отрезкам речи и, с другой стороны, чувствительность к контексту социальной ситуации [5].

Вне актов живой речи говорить о дискурсе нет возможности. В определенных актах коммуникации, в текстах речи актуализируются определенные семантика, прагматика и синтаксис. Дискурс, таким образом, предстает как «язык в языке, но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет [6].

Дискурс создается в конкретном смысловом поле. Он признан передавать определенные мысли, нацелен на коммуникативное действие со своей прагматикой. Решающим его критерием оказывается особая языковая среда, в которой создаются языковые конструкции, поэтому он требует своего определения, например: «политический дискурс», «научный дискурс». Так, П. Серро рассматривает дискурс как особое использование языка. Анализ советского политического дискурса как выражения особой ментальности и обезличенной идеологии показал, что этот тип дискурса использует особую грамматику и особые правила лексики, создавая «суконный язык» или «деревянный язык» [7]. Б.М. Гаспаров, подчеркивая присутствие человека в языке через дискурс, отмечает: «Всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в диалоге – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан» [8].

Представляя язык как структуру, а речь как текст, Г.К. Косиков отмечает, что в структуре нет ничего, чего бы не было в тексте, однако обратное неверно, ибо в тексте возникает существенное приращение смысла, возникают та-

кие качества, которых не было в структуре [9]. Эта «граница» представляет собой сферу использования языка, с помощью которой определенное сообщество связывается с окружающим миром, что и составляет содержание термина *дискурс*. Превращение смысла в тексте происходит из-за несовпадения кодов автора, произведения и читателя в акте литературной коммуникации. Читатель не есть идеальный воспринимающий слушатель. «Код отправителя, код самого текста и код получателя заведомо не совпадают между собой (то, что «говорит» произведение, не тождественно тому, что хотел сказать автор, а то, что «сказалось» в тексте, не тождественно его восприятию читателем)» [9, с. 23]. Литературный текст прочитывается по-разному, так как восприятие его определяется дискурсом читателя в акте литературной коммуникации. По замечанию А.-Ж. Греймаса, объяснение эстетических фактов в настоящее время в большей степени дается на уровне способности восприятия произведения искусства, а не на уровне исследования феномена гения или воображения. Семантика открыто признается попыткой описания мира чувственно воспринимаемых свойств [10]. «Структуры значения» предстают перед нами, как отмечает Греймас, в процессе восприятия, то есть проявляются в коммуникации: в событии-коммуникации означаемое встречается с означающим. «Структуры значения проявляются в дискурсе, который является не только местом встречи означаемого и означающего, но и местом искажений значения, обусловленных противоречивыми требованиями свободы и принуждений, которые налагает общение, а также противоборством разнонаправленных действий сил инерции и истории», поэтому дискурс представляет собой некое причудливое сооружение [10, с. 60].

Литературное произведение и Текст – разнокачественные реальности, нуждающиеся в разных способах анализа. Литературное произведение – это архитектурное целое, единство которого определяется единством его смысловой интенции – задачей внушения читателю/слушателю определенного смысла. Это телеологическая конструкция, готовый, заверченный, внутренне упорядоченный объект, имеющий смысловую доминанту и организованный для воздействия на адресата. Будучи продуктом авторской воли и имея целью осуществить коммуникативную власть над аудиторией, произведение моноцентрично, моносемично и монологично. Анализ произведения – это анализ его структуры (В.Я. Пропп, К. Леви-Стросс, А.-Ж. Греймас). Аналитическим инструментом исследования Текста является использование постструктуралистических оппозиций: тождество/различие; единство/множественность; моносемия/полисемия; гомогенность/гетерогенность; системность/внесистемность; интеграция/дезинтеграция; линейность/объемность; закрытость/открытость; монолог/полилог; структура/игра [9, с. 35].

Текст, по Барту, представляет собой «поле методологических операций». Это «процесс работы, производства». В результате процесса производства появляется произведение, которое не может существовать без Текста. Произведение – это «эффekt Текста», «шлейф воображаемого, тянущийся за Текстом». «Текст не может неподвижно застыть (скажем, на книжной полке), он по природе своей должен сквозь что-то двигаться – например, сквозь произведение, сквозь ряд произведений». Текст характеризуется активностью, которая обеспечивается пространственной многомерностью означаемых, сплетающих «ткань» Текста [11]. В работе «S/Z» Р. Барт обратился к практике Текста. Бартовский текст – это вся неидентифицированная масса культурных смыслов, впитанная произведением, но еще не подчинившаяся его телеологическому заданию. Чтобы как-то упорядочить текстовую множественность, сделать ее хоть в какой-то мере доступной для аналитической объективации, Барт вводит понятие кода [12]. Коды – это «голоса, которые доносятся до нас

издалека». Это «перспектива цитации, мираж, сотканный из структур», «порождаемые им единицы сами суть не что иное, как текстовые выходы, отмеченные указателями, знаками того, что здесь допустимо отступление во все прочие области каталога (любое конкретное Похищение с неизбежностью отсылает нас ко всем ранее описанным похищениям); все это осколки чего-то, что уже было читано, видно, совершено, пережито: код и есть след этого уже. Отсылая к написанному ранее, иначе говоря, к Книге (к книге культуры, жизни, жизни как культуры), он превращает текст в проспект этой Книги» [13]. Бартовский Текст – это «один из изводов интертекста», «переакцентуированный интертекст Кристевой» [14].

Ю. Кристева понимает интертекст не как собрание «точечных» цитат из различных авторов, но как пространство схождения всевозможных цитаций. Цитату следует рассматривать лишь как частный случай цитации, предметом которой являются не конкретные фразы, абзацы или пассажи, позаимствованные из чужих произведений, но всевозможные дискурсы, из которых и состоит культура и в атмосферу которых независимо от своей воли погружен любой автор. Любой пишущий, даже если ему не пришлось прочесть ни одной книги, все равно испытывает воздействие окружающих дискурсов, под влиянием которых и складывается вновь возникающий текст. По самой своей природе любой текст есть не что иное, как интертекст. Данное положение иллюстрируется концепцией Кристевой, «рассматривающей «литературное слово» не как некую точку (устойчивый смысл), но как место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма – самого писателя, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом» [14, с. 428]. Интертекст, как отмечает Кристева, обнаруживается на уровне «субъект (текст) – получатель (контекст)». Получатель, «будучи не чем иным, как дискурсом, включен в дискурсный универсум книги». Он ... сливается с тем текстом, по отношению к которому писатель пишет свой собственный текст. При совпадении «субъект – получатель» и «текст – контекст» обнаруживается новый текст. «Всякое слово (текст) есть такое пересечение двух слов (текстов), где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст)» [14, с. 429]. Новый текст – это порождение нового значения, «порождение, вписанное в рамки языкового «феномена» [15], но постичь которое, то есть выделить в произведении Текст, другими словами, в литературном тексте интертекст, возможно посредством семанализа. Под семанализом Ю. Кристева понимает теорию текстового значения, на основании которой должно отыскать внутри системы знаков, представляющих текст, «другое место действия, заслоненное от нас экраном текстовой структуры, другую сцену, на которой совершается акт означивания, – такая операция, по отношению к которой структура есть всего лишь некий осадок, отсроченный результат» [15, с. 294].

Таким образом, Текст не есть языковой феномен, в том смысле, что он не имеет плоскостного структурирования посредством языковых средств. Он характеризуется объемностью, которая создается новыми порожденными значениями. Текст объемен и динамичен. Произведение же имеет линейную структуру, обусловленную языковыми средствами, внутреннюю иерархию, начало и конец. Если в соотношении *адресант – сообщение – адресат* адресантом является автор, адресатом – читатель, то сообщение – это произведение и Текст (третий порождающий Текст), который образуется посредством единения автора и читателя, Текста автора и Текста читателя, переплетением дискурса субъекта и дискурса получателя. Динамизм Текста (интертекста) исследуется посредством семанализа (дискурсом анализа Текста). Содержание термина *дискурс* – это сфера использования языка, посредством которой определенное социальное сообщество связывается с окружающим миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Неретина, С.С.** Концепт как возможность постижения смысла. Дискурс / С.С. Неретина, А.П. Огурцов // Теоретическая культурология. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. – С. 253.
2. **Соссюр, Ф. де.** Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – С. 17.
3. **Косериу, Э.** Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) / Э. Косериу. – М.: УРСС, 2001. – С. 19.
4. **Звегинцев, В.А.** Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – С. 170.
5. **Макаров, М.Л.** Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – С. 86–88.
6. **Степанов, Ю.С.** Язык и метод: к современной философии языка / Ю.С. Степанов. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – С. 670.
7. **Серио, П.** Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / предисл. Ю.С. Степанова; общ. ред., вступ. ст. и коммент. П. Серио. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 337–383.
8. **Гаспаров, Б.М.** Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
9. **Косиков, Г.К.** «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) / Г.К. Косиков // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Г.К. Косиков; пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. 22.
10. **Греймас, А.-Ж.** Структурная семантика. Поиск метода / А.-Ж. Греймас; пер. с франц. Л. Зиминой. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 11.
11. **Барт, Р.** От произведения к тексту / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – С. 413–423.
12. **Косиков, Г.К.** Идеология. Коннотация. Текст / Р. Барт // S/Z / Р. Барт. – 2-е изд., испр.; под ред. Г.К. Косикова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 19.
13. **Барт, Р.** S/Z / Р. Барт. – 2-е изд., испр.; под ред. Г.К. Косикова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 45.
14. **Кристева, Ю.** Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Ю. Кристева; пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. 18–19.
15. **Кристева, Ю.** Избранные труды: Разрушение поэтики: пер. с фр. / Ю. Кристева. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 295.

S U M M A R Y

The paper deals with questions connected with the notions of discourse, literary work, text. The dichotomy language – speech is the starting point for linguistic interpretation. If language is a system of ideal forms of realization, i.e. the techniques and standards for the appropriate language activity, and speech is the amalgam of the norms, compulsory realizations and historically realized possibilities of language, then discourse is the norm that is between language and speech. The contents of the term discourse are understood as the sphere of language use with the help of which a certain social community communicates with the surrounding world. Literary work and Text are realities of different quality. Literary work is an architectonic whole which unity is determined by the unity of its semantic intention. Literary work has a linear structure determined by language means, inner hierarchy, the beginning and the end. Text is not a language phenomenon, i.e. it has no junction structuring with the help of language means. New generated meanings make it multi-dimensional. Text is multi-dimensional and dynamic.

Поступила в редакцию 25.04.2007